

Единственной сестре моих сыновей и племянников

1. Метель в апреле

Впервые учетчик попал в город в апреле 80-го, за полгода до привода в райотдел права.

Он и старый Рыморь, бессменный бригадир сезонных рабочих, вместе перемогали зиму. Заодно присматривали места весенней работы. Они знали, что с наступлением тепла на дороги и проселки выйдут ватаги голодных сезонников, и готовились выбрать лучших рабочих, прежде чем их заберут в другие бригады. Чтобы нанимать быстро, Рыморь должен был знать объем и характер предстоящей работы.

На шестой месяц холодов, после звонких солнечных капель и пробирающих до костей ночных заморозков, когда весна манит, а зима не отпускает, ожидание сезонных работ, веселой дружной сутолоки их начала делается невыносимым. В ясные дни Рыморь и учетчик держались лесных опушек, где сильно чувствовалась весна: деревья смягчали порывы ветра, на проталинах проклевывались из земли первые ростки, а по лужам бодро скользили водомерки.

К населенным пунктам Рыморь не приближался даже на расстояние видимости ночных огней. Жаловался, что слепит слабые глаза, что он стар и пора на покой. Но его спутник подозревал, что матерый отщепенец темнит. Когда бригадир был моложе, он находил другие отговорки, лишь бы не ходить в город, напроочь заслониться просторами, лесами, туманами от заволаживающего мерцания огней, властного зова причудливых звуков, сладкого дурмана дымов. Один из редких сезонников, он долгие годы уклонялся от затягивания на зиму в душную городскую круговерть, перебивался скудными случайными заработками и холодными временными ночлегами. Но к середине весны и бригадирские запасы терпения иссякали.

А тут еще одним апрельским днем завьюжило. К вечеру метель белой мглой неслась по лесу и лугу. Под мощными порывами ветра путники вышли на заброшенный лесной тракт. Снег все усиливался. Деревья гнулись и заунывно скрипели. Старая осина рухнула за спиной учетчика, хлестнув его концами ломких веток. Их обоих разом могло накрыть грузной раскидистой кроной. Они шли друг за другом, держась за веревку, чтобы не потеряться, и каждые полчаса менялись местами, так как первый уставал больше второго, пробивая путь в снегу. Это был испытанный способ. И немало метелей они преодолели вдвоем. Но в этот раз Рыморь нервничал сильнее обычного. «Что с погодой? — хрипло кричал он сквозь рев ветра. — В старые апрели я не помню таких метелей!» Он затравленно озирался, по-лошадиному фыркал, часто без толку нюхал воздух (вихри крутили и перемешивали запахи). Он не знал, куда идти, когда шел первым. А когда шел вторым, все медленнее и тяжелее волокся за молодым вожатым.

Наконец, бригадир бросил веревку и стал зарываться в снег под пихту. Для тепла он наломал хвои. Старый барахольщик выудил из вещмешка запасенную где-то на колхозном пастбище длинную дудку прошлогоднего борщевика. Через сухой полый стебель Рыморь собирался дышать, когда снежная толща укроет его с головой. Отчаяние, к которому он был близок в пути, уступило место деловитости. Лично его такой ночлег не пугал. Но учетчик не хотел ложиться в снежную могилу рядом с уставшим от жизни стариком, особенно теперь, в двух шагах от весны. Может, они не замерзнут. Однако и долгая неподвижность представлялась ему невыносимой. Ни за что он не сможет уснуть, а будет непрерывно ворочаться под душным снежным одеялом в стремлении выставить на поверхность голову и посмотреть, не улеглась ли метель, не показались ли звезды в преддверии ясного утра (наверняка это была последняя агония зимы перед решительным наступлением тепла). Остаться одному на завьюженной лесной дороге тоже было жутко. Из чувства товарищества и от страха он готов был

нести спутника на себе, но как его ни уговаривал, как ни пугал шальной волчьей стаей, которая учует запах бригадира через дыхало борщевика и разроет сугроб, Рыморь не сдвинулся с места. Учетчику пришлось идти в метель одному. Перелезая ветровал, он провалился в незаметную под снегом пустоту и больно ушиб колено. Быстро уставая, он часто отдыхал, но не подолгу, чтобы не сморил сон. Без движения, пусть бесцельного, он бы превратился в ледышку.

Уже начало светать, когда он случайно вышел на довольно широкую дорогу, вероятно, лесовозную. Она угадывалась по деревьям на обочинах. Ни людей, ни машин не виднелось в снежных заносах. Но когда-то, судя по тому, что дорога ветвилась, а за деревьями сквозили проплешины, здесь велись большие рубки. Учетчик брел наугад, не запоминая развилки. Он выбился из сил и ждал только наступления дня и окончания метели, а там видно будет.

Поэтому его так ошеломил выплывший на него угол громадного здания, его верхние этажи терялись в снежной мгле. Учетчик замер. Откуда оно в лесу? Может, мираж. Результат усталости, весеннего истощения и многочасового кружения перед глазами метельных вихрей. Однако нет, здание не было видением. Слишком властно выступал в пространство его жесткий слепой торец, слишком ровно швы расчерчивали его на квадраты бетонных панелей, и четко читалась табличка с адресом «ул. Космонавтов, 5». А главное, дом был теплым. Морозный узор чуть тронул окна первого этажа, их учетчик видел ясно. Судя по открытым форточкам и цветущему виду комнатных растений, в помещениях стояла жара. Даже из подвала через продолговатую отдушину в цоколе здания тянуло сладковатой земной прелью и еще каким-то теплым смрадом. Ни в лесу, ни в селе учетчик не слышал таких запахов. Это был насквозь городской дом.

Учетчик наклонился и заглянул через отдушину в подвал. Большая его часть тонула во мраке. Только далеко в глубине виднелось тусклое пятно от низко висящей лампы. Она

освещала профиль игрока, хищно склонившегося над шахматной доской. Напряженный подбородок крепко упирался в сжатый кулак. В ожидании, пока он сделает ход, его противник дремал, откинувшись назад и скрестив на груди руки. Кто были эти люди? На что они играли, быть может, ночь напролет? Наверно, правду говорят, что город никогда не спит. Странно, пока учетчик смотрел в подвал, он не слышал метели. Но стоило поднять голову, она свистела вокруг с неослабевающей силой.

Он с трудом отвел взгляд и, крадучись, пошел под балконами первого этажа вдоль длинной стены здания. Под бетонным козырьком подъезда учетчик различил силуэты людей. Они чего-то ждали неподвижно и молча, некоторые сидели на корточках, вяло свесив руки, поднося к губам огоньки сигарет, но какая-то терпеливая сила чувствовалась в их невозмутимых позах.

Хотя учетчик никогда не был в городе, он слышал о нем от временных рабочих, из лета в лето сменявшихся в его бригаде. Многие из них бывали «на Космонавтов» или знали про это место и, видимо, так свыклись с ним, что слово «улица» для краткости опускали, без него было ясно, о чем речь. И сейчас учетчик почувствовал власть «Космонавтов», некую непреложную необходимость, вынудившую людей ночью прийти сквозь метель на холодное крыльцо.

По загородным рассказам учетчик знал, что пятиэтажки «на Космонавтов» находятся в центре города и выйти под их стены из леса невозможно. Расспрашивать собравшихся на крыльце, как такое приключилось с ним, учетчик не рискнул. Подавленный, изнуренный метелью и бессонной ночью, он не хотел показываться городским незнакомцам. Надо было выбираться из их логова.

Он побрел по своим следам обратно. Так вернее всего, хотя, наверно, и не кратчайшим путем, он мог вернуться в лес. Однако в пяти шагах от здания следы замело. Вокруг с заунывным воем неслась мутная пелена. Рванувшись наобум, задыхаясь

от волнения, он все же вышел к ближним деревьям. Теперь он избегал открытых мест и пошел не вдоль леса, а ринулся между стволов, чтобы укрыться в чаще. Но совершенно неожиданно налетел грудью на низкий штакетник, ограждающий двор частного дома. Рядом смутно просматривался еще дом. В нем растапливали печь, дым с трудом переваливался через край холодной трубы и уносился ветром.

Так вот оно что! Учетчик стоял у домов частного сектора, глубоко внутри городской черты. И, конечно, эта одноэтажная застройка могла граничить с улицей Космонавтов. Получается, за метелью он и не заметил, как вышел из леса в город. Он уже давно двигался между рядами деревьев вдоль улиц. Эти-то посадки, ограждающие дворы от дороги, а также старые сады между просторно стоящими домами он машинально принимал за лес, не различая самих домов и заборов в предутреннем мраке. Город уже давно окружил его со всех сторон! В эту секунду учетчик дорого бы дал за то, чтобы каким-нибудь чудом перенестись в сугроб, где в полной безопасности от города мирно спал Рыморь. Теперь учетчик мог только мечтать о таком убежище, вчера казавшемся могилой. Но что проку от запоздалых сожалений! Разве была на них лишняя минута! Метель могла утихнуть внезапно, как разыгралась. Задержанные в домах непогодой служащие хлынут на улицы, спеша на работу, и он окажется тут как на ладони. Жалкая, нелепая фигура, одним своим видом оскорбляющая привычный порядок. Учетчик понимал всю опасность создавшегося положения и все же не трогался с места. Он не запомнил дорогу в центр и не знал, в каком направлении уходить на окраину.

На дороге показалась женщина в рабочем халате поверх укутывающих ее одежд. Она тянула за собой санки. На них лежал дворницкий инструмент. Виднелся широкий фанерный совок снегоуборочной лопаты. Трудно было в одиночку везти проваливающиеся в рыхлый снег санки, и шагающая следом девушка-спутница настойчиво пыталась помочь, она

забегала то справа, то слева. Но так же упорно женщина отстраняла ее. Девушка все-таки изловчилась и взялась за веревку. В этот же момент дворничиха отвернулась от ветра, мотнула тугим плечом, и незваная помощница плюхнулась в сугроб. Ее это не обескуражило. Видимо, она привыкла к такому обращению, потому что красноречиво развела руками, мол, придется стерпеть, и побежала за санями, теперь подталкивая их сзади. Она больше мешала, чем помогала движению, но продолжала усердно стараться. Впопыхах девочка выскочила одной ногой из войлочного ботинка, он был явно велик, и ей пришлось возвращаться за ним, ступая тощей голый ногой в снег.

По ее виду нельзя было ошибиться. Эта голенастая пигалица в коротком пальтишке, руки торчали из рукавов, явно была временной работницей. Люди, принятые в штат постоянных городских служащих, так себя не ведут. То, что она подрабатывала и промышляла в городе, еще не делало ее такой уж важной птицей.

Учетчик выждал, пока женщина пройдет мимо, выступил из-за дерева, поймал девчонку за рукав и спросил, как выйти из города. Она вздрогнула и вытаращилась на него, но потом искра интереса зажглась в ее глазах. «Это что, новый способ знакомиться с девушками?» — спросила она, помедлив и кокетливо кутая худую грудь и шею в облезлый меховой ворот. Из какой кучи старья она вытащила свою одежонку! Он повторил вопрос. И вновь она уклонилась в пустое кокетство. Она будто не слышала угрозы в его словах или, может, принимала ее за мольбу, настолько учетчик устал, так непослушно размыкались губы, сведенные холодом и долгим молчанием. Будь они за городом, он бы живо вылечил ее жеманство и добился внятного ответа, повалив в снег и придавив коленом. Но он вступил на территорию города. Дворничиха, везущая санки, хоть и не видела его затылком, в любую секунду могла обернуться. Делать нечего, с городскими жить — по-городски выть.

«Ты меня разгадала, — криво склабясь, сказал учетчик. — Из всех девушек, кого встречал на сезонных работах, я бы выбрал тебя. Но давай подождем мая и более приятной встречи на лугу, на лесной поляне или у реки. А сейчас мне вправду надо выйти из города». — «Вот еще! Разве я колхозница на сезонные работы бегать! — высокомерно сказала девица. — Где это видано, чтобы мели лес или луг? Наша дворничья работа зимой и летом только здесь, в городе». Угрюмо глядя на ее кривляние, учетчик не понимал, нарочно или неосознанно уклонялась она от ответа.

Из-за поворота вывернул залепленный снегом хлебный фургон. Переваливаясь с боку на бок, он поехал на дворничиху. Та круто взяла в сторону и опрокинула санки в канаву. Девчонка оборвала разговор и бросилась поднимать рассыпанный инструмент. Учетчик пошел помогать в надежде, что в благодарность за помощь она ответит на вопрос по существу. Кажется, он просил о такой малости. Но неожиданно она накинулась на него, как дикая кошка. «Как выйти из города! — передразнила она учетчика, тесня его от санок. — Неужели ты думаешь, я хоть на секунду поверила, что тебя и впрямь интересует это. За твоим глупым вопросом кроется другой, серьезный интерес! Не выйти тебе надо из города, а войти — так ведь? И ты задумал стать вторым помощником дворничихи, а потом и вовсе оттеснить меня от нее. Да, ты угадал, идя за этими санками, можно продвинуться очень далеко. Но ты ошибся, посчитав меня легкой добычей. Привык в дальних колхозах обманывать сельских простушек, но здесь не на ту нарвался. Ты посмотри на себя, деревенщина!» Ее голосок срывался от злости. Проворные худые руки так и вились перед учетчиком. Не отойди он от санок, она расцарапала бы ему лицо.

Женщина не обращала внимания на их склоку, может, не слышала ее из-под пухового платка. Или же она часто наблюдала подобные сцены, и они ей наскучили. Неторопливо, тяжело сгибаясь в толстой одежде, дворничиха сама подобрала инструмент и мерно двинулась дальше. Девчонка поспешила

следом. Она часто оборачивалась посмотреть, не увязался ли за ними незваный помощник, и грозила маленьким кулаком. Она и впрямь думала, что учетчик мечтал бежать вместе с ней за дворницкими санками, куда бы они ни поехали. О чем после этого с ней можно было говорить!

И что ему оставалось, кроме пути наугад? Но ни метель, ни дорога, ни, главное, город не кончались. Казалось, одноэтажное захолустье давно должно было вывести на пустыри городской окраины, но не выводило. Извилисты и нескончаемо длинны были улицы, немые и пустынные заснеженные дворы. В одном из них учетчик заметил сезонников. Они осторожно заглядывали через окошко в дом и отшатывались под стену с такой резвостью, словно опасались, что из крохотной форточки протянется рука и схватит их. Учетчик подумал, что в покосившемся домишке с подслеповатыми стеклами в облупленных рамах вряд ли может быть что-то стоящее внимания. Вероятно, сезонники развлекались, как могли, пережидая ненастье, и должны были уйти со двора, когда распогодится, возможно, в сторону городской окраины. Самое время было в преддверии тепла перебираться за город, чтобы своевременно подыскать хорошую работу на лето. Учетчик, кстати, мог в этом поспособствовать. Впрочем, он не хотел навязываться в компанию — только узнать дорогу. Однако, когда он стал салютовать из-за ограды, сезонники пошептались между собой и отвязали дремавшую в будке собаку. Может, это стало продолжением их развлечения. Собака бросилась к забору и свирепым лаем вынудила учетчика уйти.

Единственная компания, куда ему удалось влиться, толкала автобус. Он забуксовал в яме. Неистово крутящееся заднее колесо бессильно кидало из-под себя рыжую глину. Водительская дверца была распахнута, в нее высывалась напряженная фигура шофера, без шапки, со снегом в волосах. Одной рукой держа руль, он всем телом круто наклонился вбок, вывернул голову и глядел сквозь метель на буксующее колесо. Видя, что бешеным вращением оно глубже зарывается в грязь,

он перестал газовать и пытался вывести машину из ямы враскачку, то заползая на ее край, то откатываясь для разгона. И так же наступала и отступала гурьба толкающих автобус помощников шофера. Кто-то призывно и нетерпеливо махнул учетчику, а может, ему почудилось. Он встал в тесную шеренгу, ему досталось самое неудобное место, за буксующим колесом, оно сразу обдало его ледяной жижей. Вряд ли своими хилыми силами, с ушибленным в лесу коленом, он мог оказать существенную помощь в этой поистине бурлацкой работе, но по чистой случайности после его подхода колесо всползло выше обычного на край лужи, помощники подналегли, мотор победно взревел, заглушая надсадные хрипы, и автобус выкатился на ровное. Толкавшие по инерции повалились вперед, но сразу бросились догонять автобус. Шофер и не подумал в благодарность за помощь приостановиться, а резко захлопнул водительскую дверцу и прибавил газ.

Наверно, он выехал из гаража в первый рейс и спешил наверстать отставание от графика. Выводя машину из ямы, шофер разгорячился и открыл для проветривания переднюю пассажирскую дверь. Он не сразу про нее вспомнил, а когда решил закрыть (сейчас-то шофер заботился, чтобы в салон не надуло сугроб), старенький пневматический механизм долго набирал воздух, прежде чем с усталым шипением захлопнуться. В эти несколько секунд помощники заскакивали в салон. Непременно было думать, нужно ли ему в этот автобус, куда он едет. В общем порыве учетчик кинулся в давку. Он воспользовался борьбой двух здоровяков — они, как тяжелые рыбины, бились в дверь, ни один не уступал — и нырнул между ними.

Автобус набирал ход, прыгая на ухабах. Из опасения забуксовать шофер на скорости проскакивал невидимые под снегом ямы. Идя по салону, приходилось крепко цепляться за спинки пустых сидений, чтобы не упасть. Широкогрудый мускулистый крепыш, пробившийся в автобус первым, еще раз показал свое превосходство: играючи подтянулся к поручню под потолком и полез вдоль салона, по-обезьяньи перехватываясь

руками и ногами. Остальные смотрели на него с осуждением, он мог оторвать хлипкий поручень, что вызвало бы справедливое недовольство водителя, но никто не сделал замечание шалопуту.

Измученная, но счастливая горстка сезонников скопилась в самой уютной, задней части салона, где крыша покато опускалась над высокими сиденьями, а мотор дул в ноги теплым воздухом. Они были уже не чужие люди, вместе толкали автобус, а потом еще и затиснулись в него, поэтому учетчик попытался выяснить у попутчиков маршрут движения. Но остальные пассажиры сами его толком не знали. И интерес учетчика восприняли неодобрительно: разве мало того, что они без билетов, в тепле мчат сквозь метель? Мотор оглушительно выл в самые неподходящие моменты. Собеседники беспомощно прикладывали к уху ладони или притворялись, что не слышат. От них удалось узнать, что любой маршрут проходит через центр города, а им туда и надо. Но ведь автобус поедет дальше. А куда? Будет кружить по городу или выедет за городскую черту? Ничего не оставалось, как только спросить шофера.

Учетчик приблизился к месту водителя и встал за его плечом. Это был матерый городской волк. Сильные руки уверенно держали рулевое колесо. Губы были твердо сжаты. Глаза неотрывно следили за дорогой. Она с трудом просматривалась сквозь летящие в лобовое стекло мокрые хлопья, щетки «дворников» не успевали их счищать. Шофер не хотел и не мог отвлекаться на посторонние разговоры. В данном случае лучшей вежливостью была бы краткость. Но и простота могла оказаться хуже воровства. Опробетчиво было спрашивать, идет ли автобус на окраину города. Шофер мог резонно уточнить, на какую именно, ведь в городе много окраин, и каждая со своим местным названием. Ни одного названия учетчик не знал, а брякнуть, не важно, на какую окраину, было бы нелепо и подозрительно. В лучшем случае шофер оборвет разговор, а в худшем вытолкает из автобуса безбилетного пассажира, не знающего, что ему надо, и отвлекающего водителя

разговорами. Поэтому учетчик подался вперед и внятно проговорил шоферу в самое ухо: «Какая остановка конечная?» — «Завод», — хмуро обронил автобусник, не отрывая взгляда от дороги. Для того его кабину и отделяло от пассажиров завешанное шторкой стекло, чтобы ему не дышали в затылок. Рассчитывал он или нет одним словом оборвать беседу, но у него получилось. Учетчик задумался.

Завод! Речь могла идти только об одном большом предприятии, за чьей проходной и расстроился этот городишко. Прежде он был умирающим шахтерским поселком над тощими пластами низкосортного бурого угля. После закрытия шахт построили приборостроительный завод. Большинство трудящихся на заводе были постоянные городские служащие, многие сидели по кабинетам и даже в цеха выходили в белых халатах, но среди чернорабочих-сезонников репутация завода была скверной. Все, кто туда устроился, сгинули и больше не появлялись на раздолье загородных работ. Поэтому рассказов очевидцев учетчик не знал, но и сведения из вторых рук, а долгими звездными ночами у костра он слышал многое, наводили жуть. Говорили о закрытых железными стенами обширных пространствах, где днем и ночью царил полумрак и гуляло эхо промышленных шумов. Говорили о каморках без окон, загроможденных чертежами, приборами, комплектующими деталями и прочим хламом. Даже в главном цехе воздух был прогорклым от эмульсий и масел, под высоким потолком, закрывающим вольное небо, висела копоть. Шум станков, шипение сжатого воздуха и протяжное пение лебедек полностью заглушали звуки внешнего мира. Словом, это была жизнь в ангаре, где нельзя понять, какое снаружи время дня и года. Учетчик припомнил поразившую его даже по рассказам картину громадных раздвижных ворот прямо в стене главного корпуса (они легко запускали внутрь тяжелый грузовик или железнодорожный вагон, а потом так же плавно и намертво затворялись). Если это правда, шофер мог сделать конечную остановку внутри завода, особенно сегодня, чтобы

не высаживать пассажиров из теплого салона в метель. Учетчик представил, как растворяется железная стена и автобус вкатывается в чрево завода.

Нет, такое его никак не устраивало! Ему надо было вновь вступить в беседу с водителем, чтобы уточнить важные обстоятельства. Но мешали попутчики. Если минутой раньше, когда он пытался заговорить с ними, они притворялись глухими, то сейчас вытягивали шеи из-за его спины и откровенно подслушивали. Учетчик решал, терпеть ли ему их присутствие. Но что он мог с ними поделать! И времени уже не оставалось ни на что.

Автобус тормозил и криво, с небольшим заносом, катился к остановке. У обочины было темно от ждущих опаздывающий рейс служащих. Конечно, все они хотели спрятаться в салон от холода и ветра. Такой же плотной тугой массой, как стояли, они перетекли к дверям автобуса и на секунду замерли. Понеслось знакомое шипение воздуха в механизме открывания двери. Учетчик ринулся к выходу из автобуса, чувствуя, что потом может быть поздно. Встречные потоки пассажиров из передней и задней дверей затиснут его в середину, откуда он протолкнется наружу не раньше конечной остановки, ведь наверняка подавляющее большинство служащих едет к началу рабочего дня на завод. Его опасения подтвердились: солидные пассажиры с деньгами, у них было чем оплатить проезд, и не подумали ждать, пока жалкая стайка безбилетников, подвезенных из милости, покинет автобус. Едва двери открылись, служащие хлынули внутрь. К счастью, попутчикам тоже надо было выходить. Полные решимости, они надавили на учетчика. Его ударило головой о край двери, закрутило и вынесло на улицу. Толкаясь в толпе, учетчик неожиданно обнаружил себя над головами людей. Ну, конечно, хилый легковес, он мог выбраться из давки лишь по пути наименьшего сопротивления, то есть вверх!

Стиснутый толпой, он несколько долгих секунд возвышался над ней. Его несло, оторвав от земли, кружа и покачивая.

Машинально упираясь ладонями в чьи-то шапки, учетчик зачарованно смотрел сверху вниз. Никогда он еще не наблюдал с такой точки зрения людей, стоящих неизмеримо выше его на общественной лестнице. Они были солидные штатные служащие, уверенные в завтрашнем дне, а он был прохожий сезонник, перекаати-поле, его появление в городе мало кто заметит, а исчезновение никого не огорчит. Конечно, он и раньше видел служащих, в деревнях и на проселочных дорогах, но не сходился с ними, а посматривал издалека. Поэтому сейчас чувство было острее и упоительнее, чем верховое слежение за лесным пожаром. (Однажды во время сезонных работ потянуло гарью, Рыморь велел учетчику подняться на господствующее дерево, чтобы оценить, насколько близко огонь; дул сильный ветер, клоками гоня от горизонта красную пену верхового пожара и раскачивая мачту высоченной сосны с вцепившимся в ее вершину наблюдателем; рядом рухнул от ветра ошетиленный голыми ветками сухостой, но мрачный восторг, с которым учетчик озираал распахнувшийся перед ним грозный простор, был сильнее страха.)

Теперь, жадно впитывая мельчайшие детали происходящего, а он видел лица служащих до прищура глаз, до складки губ, учетчик заметил, что не все так уж горят желанием втиснуться в автобус, как показалось на первый взгляд. Сердито толкались, чтобы успеть занять сидячие места, только полные женщины в возрасте. Молодежь грелась в борьбе. Некоторые напирали для куража и откровенно ухмылялись. В самом деле, разве это был последний автобус, если день только начинался! Словом, гордые, суровые и неприступные в массе служащие поодиночке казались довольно занятыми типами.

Учетчик засмотрелся на них и забыл, что находится в подвешенном состоянии. Когда его вынесло из самой гущи и тиски чуть разжались, он сверзился под ноги толпе. Тяжелый заплечный мешок опрокинул его, и учетчик барахтался, как упавший на спину жук. Он выбрался из толпы и проводил взглядом отъезжающий автобус. По меньшей мере один из попутчиков

Оглавление

1. Метель в апреле.....	4
2. Свидетель спора.....	18
3. Хфедя.....	44
4. В горсаду.....	49
5. Проверка вещей.....	56
6. Спуск к реке.....	65
7. Переправа.....	81
8. Вне очереди.....	84
9. Вид из окна. Торг.....	111
10. Санитарка Рима.....	125
11. История Рима.....	143
12. Виды из окон.....	157
13. Швея.....	168
14. Карлица.....	183
15. В 26-й кладовой.....	191
16. Гибель Майи.....	206
17. Сговор.....	239
18. 40-я кладовая.....	257
19. Подвальные облака.....	272
20. По течению.....	289
21. Техникум.....	314
22. Из овражка.....	333
23. Обитатели музея.....	351
24. Санитарный день.....	376
25. В центре борьбы.....	396
26. В центре борьбы.....	417
27. Исследования Лихвина.....	430
28. Стихия.....	455
29. Гонцы и авторитеты.....	473
30. Гонец Богомолец.....	493
31. В беседке с Глинчиком.....	506
32.....	519
33. Метель в октябре.....	530
34. Друзья.....	543